

В. Драгунский

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки, они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля и, увидев нас, весело сказал:

— О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну так что скажете?

Я спросил:

— Это вы что играли, Борис Сергеевич?..

Он ответил:

— Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

— Каким же? Словом-то?

Он серьезно и ясно ответил:

— Му-зы-ка. Шопен великий композитор, он сочинял чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слонёнка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, про прохладные звёзды, и про лошадиные лица, всё, всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

— Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь ещё маленький, ты не обижайся,— а смотри-ка, любишь как много! Целый мир!

Тут в наш разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

— А я ещё больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, при-

нимай эстафету. Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поёрзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

— Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом. Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но чёрствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А ещё я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частички в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку. Варёную колбасу люблю прямо безумно, если «Докторская» — на спор, что съем целое кило! И «Столовую» люблю, и «Чайную», и зельц, и копчёную, и полукопчёную, сырокопчёную! Это вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной корочкой или с белой — всё равно.

Люблю вареники с творогом, творог солёный, сладкий, кислый; люблю яблоки, тёртые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом на закуску — кожуру!

Люблю печёнку, котлеты, селёдку, фасолевый суп, зелёный горошек, варёное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, а могу и сырые. Бутерброды люблю, прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшенной кашей. Так... ну про халву говорить не буду. Какой дурак не любит халвы? А ещё я люблю утятину, гусятину и индюшину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое — за семь, за девять, за тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать, за двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвёл глазами потолок и перевёл дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше. Он бормотал:

— Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, вареники, колбасу, хотя колбасу я уже тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немножко недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки, что, мол, Миша ещё скажет. Но Мишка молчал. У них получилось,

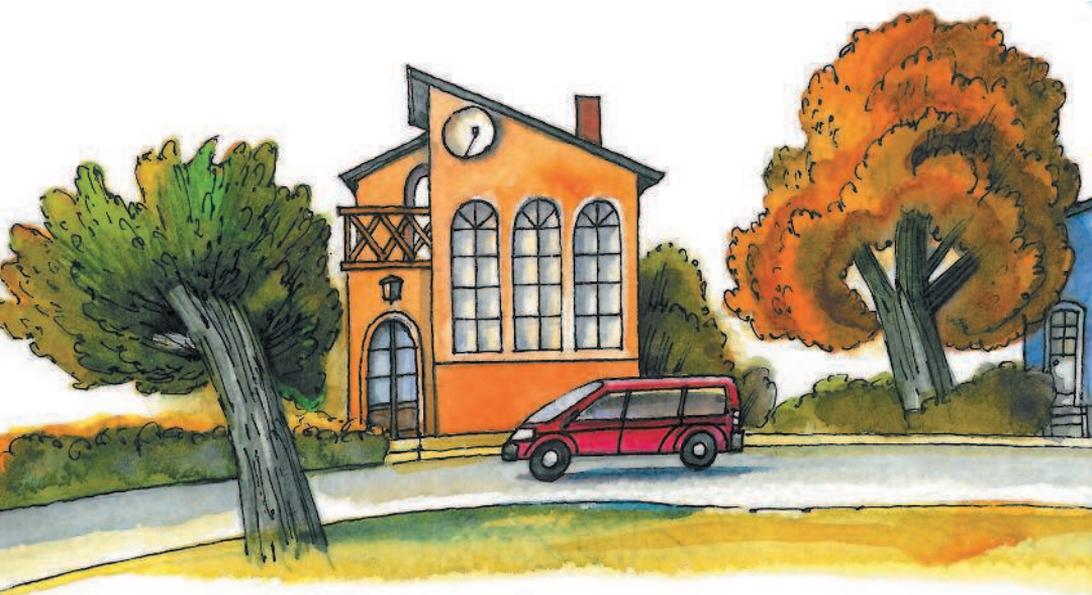
что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали. Первый не выдержал Борис Сергеевич:

— Что ж, Миша, — сказал он, — ты многое любишь, спору нет. Но всё, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин, и только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел:

— Ой! — сказал он смущённо. — Чуть не забыл: ещё — котят! И бабушку!

В. Голявкин

КАК МЫ В ТРУБУ ЛАЗАЛИ

Большущая труба валялась на дворе, и мы на неё с Вовкой сели. Мы посидели на этой трубе, а потом я сказал:

— Давай-ка в трубу полезем. В один конец влезем, а выйдем с другого. Кто быстрее вылезет.

Вовка сказал:

— А вдруг мы там задохнёмся.

— В трубе два окошка, сказал я, как в комнате. Ты же в комнате дышишь?

Вовка сказал:

— Какая же это комната. Раз это труба.— Он всегда спорит.

Я полез первым, а Вовка считал. Он досчитал до тринадцати, когда я вылез.

— А ну-ка я,— сказал Вовка.